

«Петербургский дневник» представляет

Александр Рубашкин

В эвакуации автор жил войной,
сводками...
Первое стихотворение напечатал
7 ноября 1941 года в заводской
многотиражке «Сталинец».
Мог бы с этой даты считать
свой литературный стаж.

Голос Ленинграда

ЛЕНИНГРАДСКОЕ РАДИО
В ДНИ БЛОКАДЫ

Писатели на войне, писатели о войне

Александр Ильич Рубашкин
Голос Ленинграда.
Ленинградское
радио в дни блокады
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481752
Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады:
ISBN 978-5-91498-074-7*

Аннотация

Книга критика, историка литературы, автора и составителя 16 книг Александра Рубашкина посвящена ленинградскому радио блокадной поры. На материалах архива Радиокomiteта и в основном собранных автором воспоминаний участников обороны Ленинграда, а также существующей литературы автор воссоздает атмосферу, в которой звучал голос осажденного и борющегося города – его бойцов, рабочих, писателей, журналистов, актеров, музыкантов, ученых. Даются выразительные портреты О. Берггольц и В. Вишневского, Я. Бабушкина и В. Ходоренко, Ф. Фукса и М. Петровой, а также дикторов, репортеров, инженеров, давших голосу Ленинграда глубокое и сильное звучание. В книге

рассказано о роли радио и его особом месте в обороне города, о трагическом и героическом отрезке истории Ленинграда. Эту работу высоко оценили ветераны радио и его слушатели военных лет. Радио вошло в жизнь автора еще перед войной. Мальчиком в Сибири у семьи не было репродуктора. Он подслушивал через дверь очередные сводки Информбюро у соседей по коммунальной квартире. Затем в школе, стоя у доски, сообщал классу последние известия с фронта. Особенно вдохновлялся нашими победами... Учительница поощряла эти информации оценкой «отлично».

Содержание

ДОМ РАДИО.	10
ОТ АВТОРА	11
ЛЕТО 1941-го...	17
СЛУШАЙ, РОДНАЯ СТРАНА!	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Рубашкин
Голос Ленинграда.
Ленинградское
радио в дни блокады

Памяти Ольги Федоровны Берггольц

Ольга Берггольц.

Работа скульптора В. Трояновского на входе в Дом радио

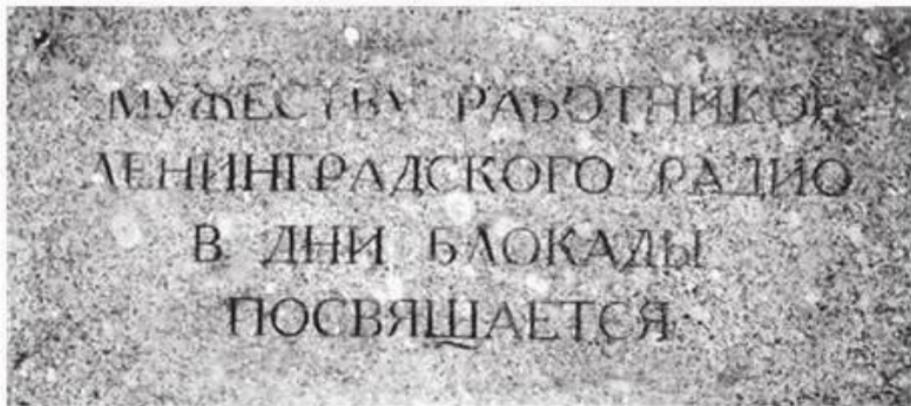
Надписи на памятнике О. Берггольц

*...и, спаяны сильнее,
чем кровью рода,
родней,
чем дети одного отца,
сюда зимой сорок второго года
сошлись – сопротивляться до конца.*

Ольга Берггольц («Твой путь»)

*...И даже тем,
кто все хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей,
не дам забыть,
как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.*

Ольга Берггольц («Стихи о себе»)

Художественная премия «Петрополь» за 2012 год присуждена за книгу о блокадном радио «Голос Ленинграда» Александру Рубашкину

**ДОМ РАДИО.
НАЧАЛО XXI ВЕКА**

ОТ АВТОРА

Одна из фотографий блокадной поры запечатлела нескольких человек – военных и штатских – возле уличного громкоговорителя. Исхудавшие люди слушают внимательно, напряженно. Какую весть узнали они в эти минуты?.. «Нигде радио не значило так много, как в нашем городе в дни войны». Эти слова Ольги Берггольц подтверждены многими свидетельствами очевидцев. Сейчас, через десятилетия, уже нелегко говорить о тех давних передачах. Их тексты сохранились далеко не полностью, а звукозаписей осталось совсем немного – на четыре часа звучания. Остальные давно стерты – и людьми, и временем. В послевоенную пору были попытки стереть из памяти людей саму блокаду. В этих условиях невозможно было написать книгу, опираясь лишь на материалы архива¹ и существующую литературу. Главной поддержкой стали сами участники событий – те, кто вел передачи и готовил их в дни блокады. Еще до войны сложился коллектив Радиокomiteта, понимавший свою ответственность перед суровым, тревожным временем. Зимой 1939–1940 годов, в дни советско-финляндской войны, фронт ока-

---

¹ Все цитаты, за исключением особо оговоренных, даются по документам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ), ф. 7278 (затем 293), оп. 2. В книге о ленинградской блокаде город, естественно, всюду называется Ленинградом.

зался недалеко от Ленинграда, и работники Комитета по радиовещанию и радиофикации (так он официально назывался) стремились сделать так, чтобы в случае возникновения сложной обстановки радио слышали все. Радиофикация города, начавшаяся в 1934-м, продолжалась усиленными темпами. В 1940 году в квартирах ленинградцев стояли сотни тысяч репродукторов. В странах Западной Европы проводной сети для трансляции почти не существовало, считалось, что радиоприемники – надежное средство получения информации. Но, когда осенью 1940 года немецкие самолеты начали бомбить Лондон, а радиостанции английской столицы сообщали о приближении противника, они становились радиомаяками для вражеских самолетов и были вынуждены замолкать. Других средств для оповещения населения огромного города о воздушной тревоге англичане не имели.

Радиофикация в нашей стране дала возможность вести ежедневный разговор с городом, оказавшимся в осаде. Условия, в которых жил блокадный Ленинград, необычайно расширили задачи радио. Оно стало постоянным спутником, помощником, другом граждан фронтового города². Без радио, без ежедневных передач, без непрерывной системы оповещения нельзя представить себе жизнь и быт Ленинграда в дни его обороны. Уровень передач, их формы, воздействие на слушателей зависели от коллектива Радиокomiteта, писа-

---

² Ленинское определение радио – «газета без бумаги и «без расстояний»» – к концу XX века можно отнести и к интернету (плюс функции почты и др.).

телей, журналистов, деятелей искусства. То, что в Ленинграде радио продолжало говорить, то, что оно связывало между собой жителей города, а голос Ленинграда доходил до страны, – результат усилий сотен людей.

Прежде всего передачи ленинградского радио адресовались гражданскому населению и частям армии, находившимся в Ленинграде. Об этих передачах, шедших по городской сети, в первую очередь и говорится в книге. Но, кроме того, продолжали работать ленинградские радиостанции, которых город не слышал (все приемники в начале войны были сдааны). Эти станции вели передачи политического вещания для партизан и северо-восточных районов области, а также для флота. Особой формой политвещания стала работа по пропаганде среди войск противника. Некоторые передачи средневолновой станции «РВ-70» принимались далеко за рубежами страны. Отдельные передачи из Ленинграда доходили до слушателей Англии и даже Австралии. Необычайно широка тематика передач ленинградского радио военного времени, она отразила жизнь города, боевые действия у его стен. Задача книги – рассказать о наиболее существенном в работе радио блокадной поры, важнейших темах и формах передач.

Технические возможности радио позволили наиболее успешно связывать фронт с тылом, город со страной и миром. Радио дало бойцам почувствовать непосредственную поддержку со стороны Ленинграда, объединяло горожан.

Девятьсот дней продолжалась оборона города. Неисчис-

лимые трудности перенесли ленинградцы. Но были дни, недели, месяцы особенно трагичные – долгая зима 1941–1942 годов, самая голодная, смертная пора. Радио помогало выжить, человек, оторванный от других, чувствовал, что в холодной темной квартире он не один. Хотелось, чтобы читатель представил себе обстановку, в которой говорило (иногда – шептало) радио, услышал звук метронома в долгие часы воздушных тревог и обстрелов, завывание сирены, увидел ленинградцев, приникших к тарелке репродуктора зимой сорок второго.

Работа о ленинградском радио блокадной поры с самого начала не претендует стать историей. Меньше, чем хотелось, рассказано о техническом обеспечении передач, о людях, которые монтировали радиостанции в новых местах осенью сорок первого, и о строительстве мощной станции, вступившей в строй в 1943-м, и о том, как преодолевались помехи в передачах на страну. Причины такой неполноты объяснимы. К примеру, встречи с П. Палладиным, начальником радиовещательного узла, и особенно прочтение его рукописи обогатили автора, но и не позволили широко использовать этот материал. Петр Александрович сказал, что хочет завершить работу. Осталась рукопись, в 1991 году она частично опубликована. Теперь я могу на нее сослаться.

Выпускать такую книгу, которую назвал «Голос Ленинграда», в застойное время (1975, 1980) было трудно. Издательство требовало больше рассказывать о партийном руко-

водстве Радиокomiteетом, сетовало на слишком подробные главы о вещании художественном: «Что же вы ставите телегу впереди лошади?» Сейчас рукопись очищена от подобного вмешательства.

Некоторые материалы исчезли безвозвратно, другие, может быть, найдутся. Каждый отклик участников и свидетелей тех событий драгоценен. При подготовке настоящего издания автор стремился учесть советы, высказанные в рецензиях и читательских письмах, а также использовал новые материалы.

У автора работ такого рода всегда есть соавторы – те, кто своими воспоминаниями помог сохранить для будущего еще одну главу блокадной летописи. Без них этой книги попросту не было бы. Поэтому снова называю имена людей (почти все уже ушли из жизни), рассказавших о ленинградском радио военной поры. Я глубоко признателен за оказанную помощь В. Азарову, О. Берггольц, А. Булгаковой, А. Васильевой, Т. Воробьевой, Ф. Гоухберг, В. Гурвичу, А. Ден, З. Островской, С. Клебановой, Ю. Лазаку, З. Лифшицу, Л. Маграчеву, К. Меркульевой, М. Меланеду, П. Палладину, А. Пази, М. Петровой, Е. Прудниковой, Н. Рогову (Беляеву), А. Розену, Д. Славентантору, В. Смирновой, Л. Спектор, С. Тюльпанову, Ф. Фуксу, Н. Ходзе, Н. Чернявской, Н. Шумилону, А. Янковскому, В. Ярмагаеву, а также сотрудникам Ленинградского государственного архива литературы и искусства (ЛГА-ЛИ), архива Музея истории Ленинграда, предоставившим

возможность изучить передачи ленинградского радио 1941–1945 годов, ученикам 235-й школы Ленинграда, создавшим музей «А музы не молчали», откуда взята часть приведенного в книге иллюстративного материала.

Особенно благодарен В. Ходоренко, Г. Макогоненко и Н. Свиридову, сделавшим ценные замечания, которые учтены в процессе работы; их отзывы помогли прохождению рукописи.

1975, 1980, 2005, 2011, 2015

ЛЕТО 1941-го...

Говорит Ленинград. Война началась.

Слушайте «Радиоохронику». «Соленые» частушки.

Выступления тети Даши. Грозная опасность.

Давнишняя радиопрограмма июня сорок первого года, пожелтевшая от времени, переносит нас в мирную эпоху – страна работала, отдыхала, строила планы на будущее. В праздничные и выходные дни радиорупоры включались в Ленинграде на площадях, в садах и парках. Радио приглашало поехать на Кировские острова, в Петергоф. В то «бестранзисторное» время пригородные поезда и автобусы, сады и пляжи казались спокойнее, чем теперь, но все-таки и в парке культуры до ленинградца, уехавшего с утра из дому, могли бы донестись слова испанской красавицы: «Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей...»

22 июня в полдень по ленинградскому радио должна была передаваться опера Бизе «Кармен». В то воскресное утро график передач был безнадежно опрокинут.

В 5 часов на радио вызвали главного диктора М. Меланеда, ему вручили обращение штаба МПВО к населению города, в котором содержались правила поведения во время воздушной тревоги. В 6 часов диктор начал чтение. Когда он закончил, раздались многочисленные звонки: просили объяснить, чем вызвана передача. Этого на радио не знали. В 9 ча-

сов 45 минут поступило распоряжение транслировать Москву. По всем радиостанциям страны звучала музыка. Полчаса. Час. Два часа сплошной музыки. Это было необычно, необъяснимо. А пока передавали марши, в Радиокomiteт срочно собирались редакторы, дикторы, артисты. Комсомольцы Радиокomiteта планировали экскурсию в Русский музей. Но ее отменили. И многое другое было отменено в то памятное воскресное утро. Передача, которая прошла в полдень, известила о новой главе нашей истории, военной главе. Тысячи, десятки тысяч людей застыли у репродукторов. Ленинград, страна, мир слышали горькие слова.

Мы знаем о внезапности вражеского удара. Тем неожиданной оказались прозвучавшие сразу же за речью В. Молотова стихи: «Наши пушки вновь заговорили. Враг напал. Мы выступили в бой». В течение дня эти строки Юрия Инге, поэта-балтийца, повторялись несколько раз. Между маршами, последними известиями и первыми гневными откликами на вероломное нападение. Казалось, стихи даже не написаны, а родились сразу, сейчас, у микрофона. Однако в тот день Инге не было в Ленинграде, он уехал в начале июня в Таллин, к месту службы, а за несколько недель до отъезда написал свою поэму-плакат «Война – началась»³. Поэт писал ее по просьбе работников ленинградского радио, ощущавших напряженность международной обстановки, реальную угрозу войны.

---

³ См.: Литературное наследство. М., 1966. Т. 78. Кн. 2. С. 598–602.

Один стихотворный плакат подготовить заблаговременно удалось. Но сразу перестроить работу редакций было невозможно. Все теперь пришлось делать иначе. То, что вчера казалось важным и значительным, ушло из передач надолго – до мирных дней. Не только программы менялись, менялся весь стиль радиопередач. Их диктовали события. Непременными материалами первых газетных полос стали фронтовые сводки – утренние и вечерние. В течение дня именно с них начинались многие передачи радио: «Слушайте последние известия. Передаем сообщение Советского информбюро». С тревогой, надеждой, болью слушали эти сводки. Гремела маршевая музыка, звучали призывные слова, звавшие на борьбу. «Радио было в те летние дни своеобразным штабом нашей бодрости и несгибаемости, – вспоминает артистка Радиокomiteта М. Г. Петрова. – Дни проходили в каком-то высоком накале, достигавшем предела человеческой выдержки. Так было в июне, июле, августе».⁴ В летних передачах отразились известные иллюзии начала войны, искреннее убеждение, что враг будет разбит в ближайшее время. Это сказалоь и в работе центрального вещания, с которым в июне – августе 1941 года Ленинград был, как и прежде, тесно связан. Лишь после тяжких потерь лета стало очевидно: впереди долгий военный путь. По-иному зазвучали стихи и очерки, информация и репортаж – тверже, суровей. Они помогли реально оценить обстановку.

---

⁴ Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 264.

Все шире становилась аудитория радио. Его теперь не выключали, и можно было очередной выпуск «Последних известий» услышать повсюду – в парикмахерской, на трамвайной остановке. В своем дневнике Вера Инбер вспоминала, что знакомые слышали ее первое в Ленинграде выступление по радио, находясь в булочной. Ольга Берггольц написала в поэме «Твой путь»: «А тот, который с августа запомнил сквозь рупора звучащий голос мой, зачем-то вдруг нашел меня и поднял...» Радио стало вестником беды и надежды. Вопрос: что сказали по радио? – касался новостей в общежитейском смысле слова, он затрагивал каждого. Все больше людей подходило к микрофону: рабочие, ученые, бойцы, домохозяйки. Выступавшие говорили о готовности к борьбе с фашизмом, рассказывали о своем личном участии в этой борьбе.

С самого начала войны все средства массовой информации были подчинены общим задачам. 30 июня областной и городской комитеты партии создали для руководства текущей агитационно-пропагандистской работой специальную комиссию. В нее вошли секретарь горкома ВКП(б) Н. Д. Шумилов, секретарь обкома К. И. Домокурова и редактор «Ленинградской правды» П. В. Золотухин. Около двух месяцев К. И. Домокурова одновременно возглавляла Радиокomitee⁵.

---

⁵ В начале войны председателем Радиокomitee был Я. Нусимович, заместителем – В. Ходоренко. С июня 1941 года, после ухода Я. Нусимовича в армию, Радиокomitee руководила К. Домокурова. С конца августа 1941 до мая 1942 года исполняющим обязанности председателя являлся В. Ходоренко, при этом

Решения партийных органов немедленно находили отклик в печати и на радио. Сразу после создания Института политорганизаторов жилых домов (22 июля), после решения привести в полную боевую готовность все средства противовоздушной обороны (30 июля) соответствующие материалы появились в газетах, а представители МПВО и политорганизаторы выступили по радио. В июне горком партии утвердил писательскую группу при Радиокомитете, придав, таким образом, участию писателей в работе радио организационные формы: состав группы менялся, но для многих это стало главным делом военной поры.

Газеты, радио с начала войны – трибуна писателя. Раньше писатель мог уйти в творческий отпуск, неделями обдумывать новые замыслы. Теперь нельзя было молчать – бойцы ждали, что он скажет, как поддержит сегодня. Газетчиками, публицистами становились поэты, романисты, литературоведы. «Редакции газет, – заметил Илья Эренбург, – во время войны все чаще стали обращаться к писателю... Газеты отводят место не только статьям, памфлетам, призывам писателей, но даже стихам, рассказам, повестям, драмам. Это значит, что писатель может сказать то, чего не могут сказать другие. Это значит, что писатель умеет говорить так, как не умеют говорить другие».⁶

он не имел заместителя по вещанию. В мае 1942 года председателем стал И. Широков, а В. Ходоренко его заместителем.

⁶ Новый мир. 1943. № 9. С. 112.

Писатель мог сказать так, как никто иной. Писатель хотел, чтобы его слово сражалось. Вот в каких условиях в последние июньские дни в хорошо знакомый ленинградцам дом на улице Пролеткульта⁷ стали приходить даже те литераторы, которых раньше здесь видели нечасто. В архиве ленинградского радио сохранился список писателей, поэтов и журналистов – корреспондентов Радиокomiteта в период блокады. В этом списке шестьдесят семь имен, не считая штатных сотрудников. Среди них погибшие в дни войны Ю. Инге, А. Лебедев, Г. Суворов, О. Цехновицер. За время войны Ленинград пережил несколько этапов борьбы. Каждый месяц и день были неповторимы. Ленинградец, переживший всю блокаду – с сентября 1941 до января 1944 года, – мог сравнить разные периоды своей военной жизни. И, сравнивая их, он видел первое лето войны относительно спокойным: еще не бомбили и не обстреливали, еще не голодали, еще шли поезда через Мгу. Но аэростаты заграждения, затемненные окна домов, воздушные тревоги и пронзительно-горькие сводки напоминали: враг близко, он рвется к центру страны, он угрожает Ленинграду. Об этом же изо дня в день говорило ленинградское радио.

В архиве сохранились многие тексты передач 1941–1945 годов, в некоторых фонотеках есть записи отдельных выступлений – малая часть того, что тогда звучало. Остальное можно лишь прочесть. Читая эти передачи сейчас, нужно

---

⁷ Ныне – Малая Садовая улица.

представить, как они звучали тогда, их неповторимую интонацию. Рукописи сохранились случайно. Их не сразу сдали в архив, они лежали в кабинете председателя Радиокomiteта в то время, когда шло «ленинградское дело» и уничтожалось все, что было связано с репрессированными руководителями блокадного города (А. Кузнецов, П. Попков и др.).

С первых дней войны к согражданам по радио обращались видные представители ленинградской интеллигенции. 22 июня – академик А. Байков, 23-го – скульптор М. Манизер (в тот же день передавались стихи А. Прокофьева «Поход» и заметка писателя В. Ставского «Кронштадт на страже»), 25-го – академик И. Орбели. 24 июня артист Н. Черкасов, исполнитель роли Александра Невского в одноименном фильме, говорил: «Бесславные потомки немецких псоврыцарей забыли урок на льду Чудского озера. Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет земля Русская, земля Советская». 26 июня перед завершением вечерних передач радиодиктор впервые вместо обычного пожелания доброй ночи произнес: «Товарищи радиослушатели! В городе военное положение. Помните об угрозе воздушного нападения, не выключайте репродукторы. По радио передаются сообщения штаба противовоздушной обороны. Не выключайте репродукторы!» На следующий день предупреждение повторили. Но привычкой для горожан это стало не сразу. Лишь к осени, когда сообщения радио стали буквально жизненно важными, репродукторы оставались

включенными повсеместно⁸. В первую военную неделю в литературном отделе радио возник замысел особой ежедневной радиопередачи – «Радиохроника», которая выпускалась прежде всего писательскими силами. В отличие от довоенных литературных передач, она должна была стать не хроникой писательской жизни, а радиолетописью военных дней. Но все же, когда Я. Бабушкин, В. Гурвич, В. Волженин работали над первым номером, они и подумать не могли, что вместе с О. Берггольц, Г. Макогоненко, А. Половниковым уже в октябре будут отмечать выпуск сотого номера «Радиохроники» и, главное, в каких условиях отмечать. И конечно же, нельзя было предположить, что выйдут в свет и двухсотый, и трехсотый номера, что около пятисот раз, вплоть до лета 1943 года, ленинградцы будут слушать передачу, которая впервые 1 июля 1941-го начиналась словами: «Товарищи радиослушатели! С сегодняшнего дня мы начинаем ежедневно выпускать передачи, которые мы назвали „Радиохроника“. В выпуски нашей „Радиохроники“ будут входить статьи, рассказы, песни, стихотворения, фельетоны. Нужно бить заклятого врага не только оружием Красной армии, но и словом, бить словом так, чтобы вся мерзость, вся подлость и все коварство фашизма были беспощадно обнажены».

---

⁸ По свидетельству А. Крона, «самым страшным днем за историю блокады был тот, когда по техническим причинам радио целых три часа безмолствовало, не стучал даже метроном». С этим не соглашались некоторые работники радио (Н. Свиридов, П. Палладин), полагая, что речь идет об обрывах в сети, когда радио не могли слышать целые городские районы, но полного «безмолвия» не было.

«Радиохроника» по своему содержанию приближалась к общественно-политическому и художественному журналу, по оперативности – к газете. В специальном разделе передавалась последняя информация с фронта, новости культурной жизни, звучали голоса защитников города. Писатели сами читали только что написанные очерки и стихи, к микрофону подходили актеры – они знакомили ленинградских слушателей с лучшими статьями советских публицистов. Мужественные, призывные, гневные статьи Ильи Эренбурга и Алексея Толстого гремели над ленинградскими улицами. «Хроника» стала делом не одной литературно-драматической редакции – всего коллектива радио. Ведь ее материалы принадлежали и корреспондентам политвещания, они давали повседневную информацию. Музыкальное сопровождение, музыкальные заставки готовила редакция музыкальная. Позже, с осени, в «Радиохронику» стали включать репортажи, придавшие передаче динамичность, документальность. Разумеется, не все номера этого журнала одинаково удались. В первое лето «Хроника» лишь складывалась, да и слушали тогда радио эпизодически. У людей было множество других забот. Не пропускали сводки с фронтов, в которых, впрочем, о событиях говорилось в самом общем виде. Когда в июле появилось «Псковское направление», я гадал: где немцы? Оказалось, они на полпути к Луге... Почти пятьсот номеров были ежедневным журналистским, писательским и редакторским подвигом. Лишь в от-

дельные дни декабря 1941 – января 1942 года случались перебои в выпуске «Радиоохроники». Практически все ленинградские писатели и ведущие журналисты приняли участие в выпусках «Радиоохроники». При этом роль писателя на радио стала иной, чем до войны. Редакторы договаривались с литераторами о конкретных темах, жанрах, они практически давали заказ на то или иное произведение. В каждом случае учитывалась специфика радио, ограниченность времени звучания. Авторы стремились к законченности каждой сценки и эпизода, потому что многие могли услышать лишь часть передачи. «Радиоохроника» выходила вечером, в одни и те же часы, как бы подводя итоги прожитого нелегкого дня. На открытие ставили очерк или фельетон, иногда статью. Завершали «Хронику» чаще всего сатирические материалы.

Это была не обычная передача, не очередной литмонтаж. И хотя общий удачный замысел не всегда получал такое же конкретное воплощение, постепенно художественное своеобразие и политическая острота сделали радиожурнал неотъемлемой частью быта военного города.

Разговор о сегодняшнем становился жизненной необходимостью. Не было ни одного сообщения, заметки – какая бы редакция их ни готовила, – в которых не звучала бы тема войны, всенародной борьбы с врагом. Все было подчинено этому, все жанры – и рассказ, и статья.

Программы оценивались с одной точки зрения: «Что они дают фронту, как помогают воодушевить людей». Работники

радио ощущали себя прежде всего пропагандистами. В своей записке в Союз писателей руководитель литературно-драматического отдела радио Я. Бабушкин, имея в виду «Радио-хронику», отмечал: «Характер работы здесь ближе всего к газете: острая злободневность, сжатость, высокая оперативность, быстрый отклик на события». В этой же записке, относящейся к концу осени 1941 года, говорилось: «Литературными материалами радиовещания широко пользовались и пользуются: 1) оборонный сектор СП, 2) агитбригады ДКА, 3) агитбригады театра КБФ и центр[ального] ансамбля ВМФ, 4) театр ЛАНО, 5) издательство „Искусство” (выпустило несколько сборников), 6) газеты и литер[атурные] журналы (значительная часть после радио опубликована там)... В итоге материалами радио охватывается аудитория во много сотен тысяч человек»⁹.

Работа отдельных редакций Радиокomiteта всегда связана между собой. Передачи дня, недели планируются в зависимости друг от друга. В военную пору общие задачи еще более подчеркнули это обстоятельство. Летом 1941 года больше всего литературных материалов содержала «Радио-хроника», но литературно-драматический отдел широко пользовался помощью других редакций. В то же время писатели выступали и на политвещании, и в детском радиожурнале «Юный патриот» (только в июле – августе вышло двадцать его номеров).

---

⁹ Архив Музея истории Ленинграда. Д. 480.

Как стало ясно значительно позже, замысел «Радиоохроники» был поистине счастливым. Он учитывал возможности радио и вместе с тем позволял при сравнительно небольших актерских силах и музыкальном сопровождении делать разнообразную по форме передачу. Все это оказалось бесценным в блокадную зиму. Какие-нибудь сорок минут вещания вбирали в себя поэзию и публицистику, драматическую сценку и сатиру. А пока, у своих истоков, «Радиоохроника» завоевывала слушателей, становилась другом и спутником ленинградцев. Первый номер «Радиоохроники» открывался статьей писателя Михаила Козакова, затем передавались записки Ивана Кратта и выступление поэта Елены Рывиной «Вставайте, советские люди!...». Зарисовки И. Кратта «На площади», «Улица» рассказывали о сплоченности, человеческом взаимопонимании. Они были написаны с внутренней сдержанностью. И. Кратт рассказывал о ночной работе, скорее даже утренней, потому что июньская ночь в Ленинграде коротка. Хронику заключали памфлеты И. Меттера и стихотворный фельетон В. Волженина «Цари». Хлестко писал поэт о претендентах на «русский престол», об их жалкой судьбе, о том, что они готовы были въехать в Москву с немецкими обозами. Материалы шли один за другим. Без объявления включалась песня «Грудью встань за Советскую землю». Стихотворный лозунг был мостиком от слов диктора к следующей за ним сатирической сценке. Номер третий вышел 3 июля, он начинался с отклика-передовой на извест-

ное выступление И. Сталина. Этой речи посвящались стихи, затем шли очерк О. Берггольц «Комендант» и новая «Песня Максима» (позднее тексты писались и на другие известные мотивы: например, 26 июля был передан военный вариант песенки Кости «Тучи над городом встали», а несколько раньше вариант «Гибели „Варяга“»). Поэты А. Гитович и В. Лифшиц сделали героя фильма «Выборгская сторона» нашим современником, который не только вспоминает о прошлом, но верит в скорую победу над фашизмом. Текст «Песни Максима» дает известное представление и о характере материалов «Хроники», и о настроении первых военных дней:

Десять винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке – последний патрон.
В рваных шинелях, дырявых лаптях
Били мы немцев на разных путях.
Всю Украину он грабил и жег,
Так что за нами остался должок.
Час подошел, наступила война,
Время, друзья, расплатиться сполна.
Вот эта улица, вот этот дом
В городе нашем, навеки родном.
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Пушки и танки фашистов громят;
Летчики наши на запад летят.
Черного Гитлера подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

Едва замолкла музыка, диктор произнес: «„Улицей этой врагу не пройти“, – поет Максим. „В дом этот светлый врагу не войти“, – поет Максим. Об одной такой улице, об одном таком доме – ленинградском доме – сейчас мы расскажем вам». Затем передавался очерк «Комендант». Именно после исполнения по радио эта незатейливая песня стала широко известна, она входила в репертуар фронтовых агитбригад, дала толчок к созданию новых импровизаций на знакомые темы.

В июле и августе Ленинград еще не был отрезан от страны. Передачи из Москвы, как и в мирные дни, транслировались ежедневно по городской сети. Вовремя приходили центральные газеты, работал междугородный телефон. Но ритм военной жизни сказывался уже на всем. Рабочий день становился длинней, тысячи жителей уехали на оборонные работы в сторону Луги и Гатчины. Шли на восток эшелоны эвакуированных. Десятки тысяч ленинградцев сражались в рядах армии и народного ополчения. В этих условиях мало кто мог прослушать целую передачу до конца. Одно несомненно – в Ленинграде, как и во всей стране, не пропускали тогда сводок Информбюро.

В этом смысле роль радио была здесь такой же, как и в других городах страны. «Радиохроника» стала одной из многих передач, и слушатели не сразу выделили ее среди других, но постепенно она все более отражала потребность времени,

в ней проявились важные черты военного радио, которое в дальнейшем сыграло в Ленинграде роль совершенно особую. «Радиохроника» привлекала не только отдельными, пусть и удачными материалами, но прежде всего единством замысла, законченностью целого. Случалось, что в ходе передачи совсем не называли авторов и лишь в самом конце объявлялись ее участники. Некоторые номера «Хроники» носили характер тематический.

Так, передача от 16 июля (Радиохроника. № 14) начиналась словами: «Слушай нас, Краснознаменный Балтийский флот» и морским сигналом: «Внимание!» После указа о награждении моряков Балтики читались письма краснофлотцам. Затем шла сатирическая сценка – разговор рыб на морском дне. Специальный выпуск для Балтфлота передавался и в августе. Среди его авторов – Николай Чуковский, Юрий Инге, Евгений Шварц, Борис Лавренев, Леонид Соболев. Письма на этот раз были обращены к защитникам полуострова Ханко. В «Словаре для фашистских мореплавателей» высмеивались «успехи» немецкого флота. Такие номера собрать из имеющихся материалов было нельзя, приходилось каждый готовить специально. Казалось, строгие временные рамки, оперативность, а порой спешка заставят авторов «Хроники» повторяться, ограничат их жанровые возможности. Между тем эти передачи поражают именно разнообразием жанров. Рядом со стихами, частушками, песнями здесь был очерк, статья или рассказ. Иногда очерк был

написан в стихотворной форме. В номере девятом, вслед за сообщением о подвиге летчика Гастелло, прозвучала поэма Анатолия Мариенгофа «Капитан Гастелло», едва ли не первый поэтический отклик на подвиг героя. Это была газетная оперативность.

Но говорить с Ленинградом нужно было каждый день. И здесь очерк, в том числе стихотворный, был явлением весьма примечательным. «Рабочий Сигачев», «Боец Исмаилов», «Капитан Гастелло», «Батарея младшего лейтенанта Чаплина», «Сеня», «Александр Самохин» – эти стихотворные очерки А. Мариенгофа¹⁰ не стали значительными художественными явлениями. Но потребность в такого рода конкретных, адресных вещах ощущалась. Подвигу нужна была гласность.

Люди слышали в стихах имена героев. А. Мариенгоф писал о машинисте, который, рискуя жизнью, обжигаясь, лез в еще не остывшую до конца паровозную топку, чтобы скорее отремонтировать паровоз и отправить состав к фронту, писал о первых летчиках – героях ленинградского неба, о пленном разведчике, не выдавшем врагу важных сведений.

Николай Тихонов написал «Балладу о лейтенанте танкисте Юхниче» (Радиохроника. № 7), Александр Прокофьев – «Балладу о красноармейце Демине» (Радиохроника.

---

¹⁰ А. Мариенгоф, М. Слонимский, Б. Лавренев, Л. Соболев и некоторые другие участники летних передач вскоре уехали из Ленинграда. Основная тяжесть литературной работы в Радиокомитете легла на плечи оставшихся.

№ 25), Борис Лавренев – о летчике Трубицыне (Радиоохроника. № 53).

Очерковый характер имели и немногочисленные рассказы, написанные в то время и передававшиеся по ленинградскому радио, в частности рассказы В. Каверина «Из дневника», «Трое», а также рассказ И. Кратта «Партизаны». Авторов прежде всего интересовала сама ситуация, описание подвига, а не характеры людей. Несколько иначе обстояло дело в рассказе В. Каверина «Прощальный салют» – истории подвига и гибели молодых бойцов. Раскрывая мысли одного из героев, автор стремился обрисовать его внутренний мир, рассказать о недавнем прошлом. Большинство рассказов остро публицистичны, мысли авторов выражены прямо. В лексике, композиции, в определенности конечного вывода проявлялась пропагандистская направленность всех видов искусства. «Мы» и «они», «свет» и «тьма», «жизнь» и «смерть» – не боясь повторений, не избегая лозунга, писатели говорили о самом главном.

И если верно, что все искусство в первые недели войны стало пропагандистским, публицистическим, то это прежде всего коснулось песни.

Уже в самом начале июля ленинградское радио неоднократно передавало «Священную войну» А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача, песню, написанную в первые же дни войны. В июле и августе, кроме ежедневно звучавших записей классической музыки, не проходило дня без песни

зовущей, призывной, боевой. Это были «Марш Народного ополчения», «Песня о часовом», «Песня о трех маршалах». И в «Радиохрониках», и в других передачах дня повторялись песни уже известные и написанные только что. Трудно назвать поэта, не писавшего тогда текстов на музыку молодых композиторов Н. Леви, В. Соловьева-Седого, В. Сорокина.

Выполняя заказ редакции, авторы песен стремились оперативно сделать свою работу. Но именно такие песни, как «Играй, мой баян» (музыка В. Соловьева-Седого), написанные для одной радиопередачи, становились популярными в народе. Песни первого военного лета говорили о сегодняшнем подвиге и подвиге отцов. Через много лет, в конце шестидесятых годов, вновь прозвучали песни, может быть, навеянные теми, давними. Например, «Комсомольской военной», которую написали В. Соловьев-Седой и поэт Никита Верховский:

Было грозное время, иные года,
Штормовая стояла погода,
И на фронт бить врага
Уходили тогда
Комсомольцы двадцатого года.

И пусть многие из этих песен прозвучали лишь по несколько раз, они оставили свой след в сердцах ленинградцев, уходивших в те дни в армию народного ополчения. А рядом с песнями, рожденными в Ленинграде, звучали через ра-

диорупоры и «Священная война», и «Песня смелых» на слова А. Суркова. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» – это слышали тогда и москвичи, и ленинградцы, и Киев, и Севастополь. Песня стала призывом и клятвой.

В то первое трудное лето нужен был не только голос бодрости, но и голос ненависти, презрения к врагу. Это чувство рождали частушки, песни, сценки, многие из которых впервые передало тогда ленинградское радио. И тут его работники выступили умелыми организаторами. Они, пожалуй, быстрее газетчиков поняли, как нужно людям острое слово именно в дни испытаний, и предложили темы сатирических произведений не только А. Флиту, Б. Тимофееву, В. Иванову, но и писателям, для которых сатира была новым жанром. Такая пришла пора, когда требовалось уметь делать все или почти все. Сатирические стихи, песни на знакомые мотивы писали практически все авторы «Радиохроники» – Елена Рывина («Все хорошо, клянусь тебе, мой фюрер...»), Владимир Волженин, Николай Тихонов и, наконец, Борис Лавренев, предложивший «Соленые частушки» для второго специального выпуска «Радиохроники», адресованного Балтфлоту: «Навостри, браточек, ушки! Струны, сыпьте серебром! Мы соленые частушки вам сегодня пропоем». Такие грубоватые, «соленые» частушки нередко звучали в те дни по радио. С захватчиком, жаждущим русского хлеба и сала, можно было говорить только одним языком: «Всем как есть отпустим вам отбивные по задам». Так оно и бы-

ло, захватчик получал угощение на нашей земле «со штыком стальным вприкуску, с меткой бомбой на закуску» (О. Берггольц).

Широко проявилось жанровое многообразие сатиры на радио. Басни и фельетоны, частушки и сценки передавались ежедневно. Изо дня в день писал их поэт В. Волженин. «Героями» его произведений становились брехуны из департамента Геббельса и союзники Гитлера («Волчья скромность», «Несгораемая корова», «История „непобедимых“ тевтонов», «Пейзаж»). На эти же темы писали Б. Тимофеев («На севере диком», «Четыре генерала»), В. Иванов («Румынские мальбруки», «Подарок итальянскому королю», «Румынский галоп»), В. Зуккау-Невский («Напрасная щедрость»). До середины сентября, почти до того дня, пока не был вывезен из Ленинграда, писал сатирические сценки для радио М. Зощенко («Скандал в благородном семействе, или Двuruшник Муссолини»).

Самыми значительными сатирическими произведениями ленинградского радио лета и осени 1941 года стали сказки и сценки Евгения Шварца. Каждый приход на радио этого большого художника становился событием не только потому, что в очередном номере «Радиохроники» появлялись его новые вещи. Вокруг Е. Шварца всегда была обстановка творчества, доброжелательства. Включение в «Радиохронику» таких сказок драматурга, как «Сон министра», «Дипломатическая конференция», «Союзники», заставляло тре-

бовательней отнестись и к другим материалам «Хроники». Хлестко и остроумно были написаны «Похождения фашистского черта» – история о том, как фашисты заключили договор с чертом по имени Фриц («самый хитрый черт»), который, вернувшись с Восточного фронта, отказался от договора. В сказке «Сон министра» говорилось о мечтах высокопоставленного расиста вывести породистых германцев на специальных заводах. В «разговоре» спящего министра со старой ганноверской лошадию высказана важная для всего творчества Е. Шварца мысль о неизбежной победе добра над злом, о конечном торжестве человечности. «„Что ты этим хочешь сказать?“ – спросил министр шепотом. „Кони – это кони, а люди – это люди, – ответила старая мудрая ганноверская лошадь. – И как ты ни старайся – время не повернет обратно и человек не станет зверем“»¹¹.

Конечно, далеко не все фельетоны, стихи и басни той поры пережили свое время. Лишь малая часть их была напечатана. Но, прозвучав, они становились оружием, помогали бороться с упадническими настроениями, вселяли в людей уверенность. Без боев июля и августа, без окопов, вырытых рабочими, студентами, домохозяйками, без армии народного ополчения трудно представить себе военный перелом сентября, когда враг, взявший город в осадное кольцо, был вы-

---

¹¹ Эти материалы (со стр. 22–23) «некорректно» использованы в книге «Позывные памяти» (СПб., 2009), созданной коллективом авторов из СПбГУ (см. «Вопросы литературы», 2011, № 1–2. С. 450–451).

нужден остановиться у его стен. Без пятидесяти трех номеров «Радиоэроники», без этих очерков, стихов, басен, репортажей нельзя понять дальнейшей роли радио уже осажденного города. Именно в летние месяцы начал мужать, набирать силу талант Ольги Берггольц. Сперва была просто работа, очень много работы.

Стихи были частью той работы О. Берггольц на радио, которая привела ее к высокому искусству. Перелом в ее творчестве начался уже в августе. Июль – август – время поисков, оно отразило некоторые особенности литературы первого военного лета в целом. В выступлениях «тети Даши», стихотворных агитках О. Берггольц, никак не узнать той «Дарьи Власьевны, соседки по квартире», которой посвящены стихи блокадной осени. Сначала был плакатный образ русской женщины, потом поэтесса обращалась ко много перенесшей соратнице по борьбе.

Стихи выполняли свою агитационную роль, но, конечно, как и многие материалы ленинградского радио и печати, не отражали сложности нашего военного положения. Это в июле – августе объяснялось объективными причинами. В официальных сообщениях не говорилось о прорыве наших позиций под Лугой, о том, насколько враг близок к Ленинграду. 21 августа Военный совет фронта обратился к ленинградцам: «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск». «Нависла непосредственная угроза...» «Навис-

ла угроза...» Слова обращения звучали теперь по радио каждый день. Они определяли тональность всех передач радио. Лишь с этого времени стал возможен открытый разговор о смертельной опасности, непосредственно угрожающей Ленинграду. Чем яснее становился масштаб событий и надвигающейся беды, тем глубже были передачи, которые вело ленинградское радио.

Ежедневно шли по городской сети и в эфир материалы вещания политического: по несколько раз передавались последние известия, регулярно – программы для молодежи. Каждый выпуск молодежной программы содержал материалы о лучших производственниках, молодых воинах, бойцах МПВО. Выпуск заканчивался напоминанием, что на исходе такой-то день Великой Отечественной войны. В молодежные передачи включались стихи-лозунги, стихи-призывы С. Спасского, В. Волженина, В. Зуккау-Невского:

Смертный бой не нами начат.
Лучше голову сложить!
Покориться – это значит
На коленях стоя жить.

Именно в августе О. Берггольц стала читать стихи, ознаменовавшие начало нового этапа в ее творчестве:

Вставал рассвет балтийский, ясный,
Когда воззвали рупора!

Над нами грозная опасность,
Бери оружие, Ленинград!

30 августа в пятьдесят третьем выпуске «Радиоэроники», на другой день после того, как враг перерезал последнюю дорогу, связывающую Ленинград со страной, Берггольц взволнованно говорила: «Ленинградец, сегодня семидесятый день Великой Отечественной войны. Стрелки часов движутся к десяти, в городе уже почти темно, все стремительнее бегут последние трамваи, и ты, ленинградец, ускоряешь шаги, торопясь к дому. Улицы пустеют и замирают, военная ночь вступает в свои права... Помнишь ли ты, ленинградец, что ты на фронте, что ты воин. Ты воин, ленинградец, где бы ты ни был – в цехе, в конторе или в своей квартире, – потому что ты в Ленинграде... Так спроси же себя, ленинградец, что сделал ты для фронта сегодня, спроси для того, чтобы завтра сделать еще больше...» Форма прямого разговора – вот тот ключ, который обрело ленинградское радио. Это был ключ к сердцам горожан. Но никто из них в первое военное лето не мог представить себе судьбы города и того, чем станет радио для Ленинграда.

СЛУШАЙ, РОДНАЯ СТРАНА!

Враг у ворот! «Будем защищать нашу музыку».

Граждане Лондона слышали. Когда решалась судьба.

Вместе с Москвой.

Город вступал в новый этап борьбы, все менялось на глазах, менялись и условия, в которых жил и работал коллектив ленинградского радио. О блокадном Ленинграде, особенно первой зиме, написано много. И во всех книгах, во всех документальных свидетельствах подчеркивается, что в девяти-сотдневной осаде города была пора особенно трудная, когда жизнь в Ленинграде едва теплилась. Не сразу, не за один день стал город таким, каким он запечатлен на гравюрах и рисунках А. Остроумовой-Лебедевой, рисунках Я. Николаева, каким донесли его до нас кадры кинохроники, воспоминания, стихи, – пустынным, умирающим городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.